

Ю.А. Лысенко

**«Татарский вопрос» в конфессиональной политике
Российской империи в Казахстане
(конец XVIII – начало XX в.)***

Yu. A. Lysenko

**«Tatar's problem» in the Confessional Policy
of Russian Empire in Kazakhstan
(the End of the XVIIIth – the Early XXth Centuries)**

Статья посвящена определению места и роли мусульманских народов Поволжья – татар и башкир – в религиозной политике, проводимой Российской империей в Казахстане в дореволюционный период. Выявлено, что на протяжении конца XVIII – начала XX в. «татарский вопрос» занимал одну из ключевых позиций в этноконфессиональных связях региона. Именно татары, этногенетически родственные казахам, стали проводниками политики, направленной на административное закрепление ислама в казахской степи. Со второй половины XIX в., несмотря на ограничительные меры государства, они продолжили исламскую пропаганду среди казахов, активно вовлекая их в общероссийское мусульманское движение.

Ключевые слова: ислам, татары, казахи, религиозная политика, Казахстан, Российская империя, реформа.

В 30–40-е гг. XVIII в. правящими кругами казахского общества был инициирован процесс присоединения территорий Казахстана к Российской империи. Однако вплоть до конца этого столетия империя не вмешивалась в религиозную жизнь кочевников, более занятая решением проблем военно-экономического закрепления в регионе и реализации внешнеполитических задач. Ситуация изменилась в 80–90-е гг. XVIII в., когда в результате активизации восточного направления во внешней политике перед правительственными кругами Российской империи встала необходимость урегулирования взаимоотношений с мусульманским миром. Именно поэтому в 1788 г. было создано Оренбургское духовное мусульманское собрание, в компетенцию которого были передано управление религиозными делами мусульман Российской империи.

В отношении казахского населения вектор религиозной политики империи изменился в сторону административного распространения ислама. Проводником данного курса выступил генерал-губернатор Оренбургского края О.А. Игельстром. В выданном на его имя указе от 4 сентября 1785 г. Екатерина II

The article deals with determination of the place and role of Volga's Muslim people in religious politics implemented by Russian Empire in Kazakhstan in pre-revolutionary period. It is revealed that from the end of the XVIIIth to the beginning of the XXth «Tatar's problem» took one of the important places in the region's ethno-confessional connections. Namely Tatar, being Kazakhs' ethno-genetic relatives, started to pursue a policy aimed at administrative consolidation of Islam in the Kazakh steppe. Since the second half of the XIXth century, despite the restrictive measures of the state, they continued to propagandize Islamic ideas among Kazakhs, actively trying to involve them into All-Russian Muslim movement.

Key words: Islam, Tatars, Kazakhs, religious policy, Kazakhstan, Russian Empire, reform.

указывала на необходимость проведения следующих мероприятий. В казахской степи предполагалось строительство ряда мечетей, способных вместить до 500 чел.; в наиболее отдаленные районы отправить татарских мулл; при мечетях должна быть организована работа «татарских школ», караван-сараев и гостиних дворов [1, с. 513–555].

27 ноября этого же года О.А. Игельстром получил указ из Сената, в котором, в частности, говорилось: «Снабжение разных родов киргизских муллами немалую пользу в делах наших принести может; почему вы и старайтесь определить оных, и изтребовать из Казани татарских людей надежных, дав им потребные наставления к удержанию киргизцев в верности к нам, и к удалению их от набегов и хищничества в пределах границ наших» [2]. В 1787 г. барон Игельстром получил повторное указание о необходимости снабжения «потребным числом мулл» казахов Младшего жуза [3]. Религиозные дела казахов вошли в компетенцию Оренбургского мусульманского духовного собрания.

Привлечение «татарских мулл» к исламизации казахского общества не было случайным. Во-первых,

* Работа выполнена при финансовой поддержке федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России», проект «Комплексные исторические исследования в области изучения Западной и Южной Сибири с древнейших времен до современности» (шифр 2009-1.1-301-072-016).

общность этнического происхождения татар и казахов, принадлежность их к тюркскому миру, по мнению властей, должна была обеспечить успех исламизации населения казахской степи и консолидации мусульманского сообщества Поволжско-Уральского региона. Во-вторых, татарские муллы уже имели опыт работы в сфере регионального российского государственного управления, проявив себя «благонадежными и верными слугами российских интересов» [4, с. 22]. Поэтому на них была возложена роль посредников в деле интеграции казахского сообщества в политико-правовое и социально-экономическое пространство Российской империи. По словам дореволюционного исследователя А. Добромыслова, «татары» и мечети явились тем мостом, «через который предварительно должны были пройти киргизы (казахи. – Ю.Л.) для сближения с русским народом» [5, с. 173].

Перед отправкой в казахскую степь «татарские муллы» в рамках действующего законодательства сдавали экзамен в Оренбургском мусульманском духовном собрании и получали звание «указных мулл», т.е. мулл, назначенных на должность специальным указом Оренбургского губернского правления. Таким образом, они получали особый социальный статус в казахской степи, являясь своего рода официальными представителями российской власти на местах. Наряду с религиозной пропагандой и распространением ислама им поручалось вести метрические книги казахов, рассматривать судебные дела в рамках шариата, руководить строительством мечетей и создавать школы при них. Довольно часто они выступали в роли арбитров в разрешении споров между казахскими родами, а также между русским и казахскими населением.

Современная казахстанская исследовательница Г. Султангалиева, посвятившая свое исследование определению места и роли «татар» в распространении ислама среди казахов-кочевников, отмечала, что в течение 1800–1820 гг. Оренбургским губернским правлением сюда было назначено из третьего мещеряцкого кантона пять мулл, а из 9 башкирского кантона – 17. Таким образом, термин «татарские муллы» имел собирательное значение и обозначал целую группу мусульманских поволжских народов, принявших участие в исламизации казахского населения.

Определить точное число мулл, выехавших для проповеди канонов ислама в казахскую степь, представляется затруднительным, поскольку Оренбургское губернское правление не владело механизмом контроля за их назначением и передвижением. Более того, «деятельность чиновников этого правления чаще всего сводилась к удовлетворению спроса на мулл со стороны казахской знати, в большинстве случаев муллы проживали и действовали в казахских кочевьях «нелегально» без разрешения органов российской государственной администрации» [4, с. 25].

Тем не менее, по данным Оренбургской пограничной комиссии, к 1851 г. на территории Младшего жуза проживало от 17 до 20 мулл. Наибольшее же их количество было зафиксировано в Букеевском ханстве, где благодаря исламизации казахского общества при активной поддержке хана Джангира к 1845 г. в каждом из 16 родовых подразделений ханства имелось от 1 до 26 мулл, в зависимости от численности рода, общее их количество составляло от 113 до 130 [6, с. 775–779].

Конкретные итоги религиозной реформы России по исламизации казахского общества выглядели следующим образом. В приграничной полосе между кочевьями казахов и южно-сибирскими окраинами империи было построено четыре мечети – в Оренбурге около менового двора «из-за близости пребывания хана Младшего жуза – Урали», в Верхнеуральске «по случаю расположения кочевий знатных старшин», в Троицкой крепости для приобщения казахов «к беспрерывному приезду на торг» и в Петропавловской крепости «в виду близости пребывания хана Средней орды – Вали» [5, с. 164].

В казахских кочевьях в конце XVIII – первой четверти XIX в., по данным Г. Султангалиевой, не было построено ни одной мечети, «хотя в архивах и сохранились прошения султана Урмана Нуралиева, датированные 1809 г., о строительстве мечети вблизи Сарайчиковской крепости и султанов Абдулмухсина Ашимова, Тяуки и Баймухамеда Айчуаковых о сооружении мечети на 200 человек при устье р. Хобда» [4, с. 24–25]. Значительно ускорился данный процесс со второй половины XIX в.

По утвердившейся в историографии точке зрения в результате внедрения Российской империей ислама среди казахского населения административными методами, на протяжении всего XIX в. происходил постоянный рост его влияния на общественную и семейно-обрядовую жизнь кочевников. Религиозное сознание казахов испытало определенную трансформацию и приняло синкретические формы, при которых язычество и связанные с ним культы и обряды впитали в себя некоторые элементы исламской традиционности, которые более соответствовали образу жизни кочевников-казахов и могли быть востребованы последними. Данный синтез получил название бытового или регионального ислама. При этом здесь не получили развития исламские институты, традиционное казахское общество продолжало функционировать по законам адата, который исключал действие многих норм мусульманского права и влиял на отдельные ритуальные стороны ислама.

Со второй половины XIX в. отношение правящих кругов Российской империи к проблеме российского ислама подверглось серьезной трансформации. Важнейшим внешнеполитическим фактором, выступившим причиной концептуальных изменений государственного курса в отношении ислама, стало

расширение границ империи и включение в его состав значительного по численности мусульманского населения. Так, в 60-е гг. XIX в., благодаря успешному продвижению российских войск вглубь Средней Азии, был захвачен ряд крепостей на Сырдарье, принадлежавших Кокандскому ханству, а затем его столица – Ташкент. Продолжая развивать успех, российские войска заняли Хивинское ханство. В 1873 г. лишился суверенитета Бухарский эмират. Закрепление позиций России в Средней Азии сопровождалось превращением казахской степи – кочевий Старшего жуза – во внутреннюю окраину империи, а значит, и завершением процесса присоединения казахских земель в состав империи. В этот же период окончательно был включен в состав Российской империи Кавказ.

В результате этих внешнеполитических акций резко возросла численность мусульман империи, ислам стал второй по количеству своих адептов конфессией, по Всероссийской переписи населения 1897 г., в стране насчитывалось 13,889 млн его приверженцев [7]. В областях Степного и Туркестанского генерал-губернаторств мусульмане составили 90% от общего количества мусульман империи.

В этой связи резкой критике подверглась религиозная политика России, которую она проводила в отношении ислама на протяжении предшествующих десятилетий. Так, крупнейший ориенталист XIX в. М.А. Миропиев утверждал, например, что исламизация казахов сартами и татарами представляла огромную опасность для Российской империи. «Будучи, – писал он, – еще недавно язычниками, киргизы, с легкой руки Императрицы Екатерины II, усердно заботившейся о распространении между ними ислама, в котором она стремилась видеть переходящую ступень от язычества к христианству, делаются все более и более мусульманами, чему особенно способствуют рьяные пропагандисты ислама – татары с севера и сарты с юга, а также и наша православная Казань, которая посредством своих типографий – университетской и частных, с большой энергией, распространяет мусульманские издания по всей России, в том числе, между киргизами. Грустно и больно видеть, как под русским знаменем и даже при помощи его, в Киргизской языческой степи насаждается ислам, а не православное христианство» [8, с. 366].

Этой же точки зрения придерживались представители региональной администрации. Например, главным недостатком религиозной реформы 90-х гг. XVIII в. в степи, по мнению ряда чиновников, являлся тот факт, что распространение ислама среди казахов объективно способствовало их отчуждению от русского народа, исповедовавшего христианство [9, с. 887]. Они настаивали на смене парадигмы государственной политики в отношении ислама, в основу которой закладывали охранительные мотивы, направленные на создание системы противодействия распространению

ислама и объединение всех нерусских народов империи, в том числе мусульман, на основе православной русской народности.

Так, например, генерал-губернатор Оренбургского края Н.А. Крыжановский предлагал ввести в состав Оренбургского мусульманского духовного собрания «члена от Правительства из русских чиновников» и включить в число его должностных обязанностей присутствие на всех заседаниях собрания. Кроме того, он считал необходимым назначать на должности в Оренбургское мусульманское духовное собрание только тех лиц, которые владеют русским языком; перевести все делопроизводство данной структуры на русский язык и повысить размер окладов сотрудникам собрания, чтобы сделать их более лояльными власти. Препятствием к распространению ислама в регионе, по мнению Н.А. Крыжановского, должна была стать и организация деятельности «специальных учебных заведений для подготовки духовных лиц магометан», назначению на духовные звания «не по выбору, а... от правительства», установлению контроля за деятельностью мусульманских школ и введению обязательного преподавания в них русского языка [10, л. 43об.–45].

В отношении казахов Оренбургского края Н.А. Крыжановский отмечал, что «религиозный фанатизм» у них слабее развит, чем у других мусульман. Однако администратор подчеркивал, что роль татарских и башкирских мулл в казахской степи неизменно возрастает. В 1866 г. он отмечал в этой связи, что «теперь муллы пользуются от киргиз, во-первых, зякетом, т.е. добровольными пожертвованиями от достатка в определенном обычай размере, во-вторых, за обучение детей, которых у каждого собирается от 15 и более человек – берут плату скотом, другие предметами домашнего обихода и, наконец, деньгами». Поэтому своим долгом он считал «не допустить в орду фанатиков и изуверов (татарских и башкирских мулл. – Ю.Л.) и парализовать по возможности последствия их происков» [10, л. 47].

Таким образом, смена государственного курса в отношении ислама сопровождалась изменением отношения высшего государственного руководства и местной администрации к «татарским муллам» в деле исламизации казахского общества. Им было отказано в той позитивной роли, которую они играли в процессе интеграции казахского населения в общеимперское пространство. Целенаправленно было заявлено о возникновении угрозы «татарского засилья» как о едва ли не основной угрозе национальным интересам на юго-востоке страны. Ограничение влияния «татарского фанатизма» и ослабление влияния ислама на жизнь казахов-кочевников определили новую стратегию религиозной политики Российской империи в казахской степи.

Новый правительственный курс нашел выражение в принятом в 1868 г. «Временном положении об

управлении Оренбургским и Западно-Сибирским генерал-губернаторствами», в состав которых вошли территории Младшего и Среднего жузов. Закон вводил новую систему административного управления в Степи, налоговую и судебную системы, а также регулировал вопросы землепользования казахов. Отдельная глава была посвящена новому религиозному курсу государства в степи. В его рамках духовные дела казахов изымались из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания, их заведование передавалось местным муллам, утверждаемым только из представителей местной этнической среды, которые подчинялись общему Гражданскому управлению и Министерству внутренних дел. Разрешалось иметь не более одного муллы в волости. Брачные и семейные дела казахов были изъяты из ведения мусульманского духовенства и подчинены традиционному народному суду биев. Таким образом, деятельность «татарских мулл» в казахской степи запрещалась, звание «указных мулл» в степи было отменено [11, с. 271].

В то же время фактически сразу же после введения в действие «Временного положения» в адрес его разработчиков последовала жесткая критика. В частности, указывалось, что «желая изъять брачные дела из ведения магометанского духовенства, оно («Временное положение»). – Ю.Л.) все-таки оставляет их, при самом совершении браков и записи их в метрические книги, – как и вообще заведывание духовными делами киргизов, – хотя и не татарских, не подчиненных заведыванию Оренбургского магометанского духовного собрания, но все таки мулл, для которых руководящее указание – коран». Таким образом, подчеркивалось несовершенство законодательства в этой области указывалось, что приняты недостаточные меры к «предупреждению развития магометанства в степи» [12, л. 42].

Поэтому в принятом 25 марта 1891 г. «Положении об управлении Степным генерал-губернаторством» последовало новое ограничение казахов в «исламском вопросе». Муллы Уральской, Тургайской, Семипалатинской, Акмолинской и Семиреченской областей избирались из представителей местной этнической среды, при этом утверждались и устранились от должности военным губернатором области. Число мулл ограничивалось – по Положению разрешалось иметь в каждой волости по одному мулле, при этом избрание в каждой волости муллы было не обязательным. К исполнению религиозных обрядов допускались также лица, не признанные официально духовными. Обязанности мулл не были определены, что лишало их социальной значимости, статуса представителей органов управления. Муллы также отстранялись от ведения метрических книг, рассмотрения брачных и семейных дел, которые передавались ведению народного бийского суда, обязаны были выплачивать налоги и нести повинности наравне с остальным населением. Законом предполагалось наказание мулл

за вмешательство в названные дела как за самовольное присвоение власти.

Ст. 99 Положения 1891 г. устанавливала порядок строительства мечетей в Степном крае. Возведение мечетей разрешалось в Акмолинской и Семипалатинской областях Степным генерал-губернатором, в Семиреченской области – Туркестанским генерал-губернатором, а в Уральской и Тургайской – министром внутренних дел. Возведение мечетей допускалось не более одной на волость. Мечети и школы при них должны были содержаться за счет добровольных пожертвований, дотаций из государственной казны для их функционирования не предполагалось [13, л. 32]. Как альтернатива исламу среди казахов Степного края стала активно рассматриваться и воплощаться в жизнь идея распространения русского языка, культуры и православия. Именно в 80–90-е гг. XIX в. в регионе была организована деятельность Киргизских православных миссий, задачей которых стала антиисламская пропаганда.

Статьи 126 и 136 Временного положения об управлении Степным краем 1891 г. запрещали переселение лиц нехристианских исповеданий в регион, проживавшим к моменту принятия Временного положения лицам нехристианского исповедания, за исключением казахов, запрещалось приобретение земли в частную собственность и ее аренда. В рамках специального указа Госсовета от 25 марта 1891 г. запрещалось причисление к городским жителям Степного края татар, башкир и «среднеазиатских выходцев» [14, л. 10б]. Таким образом, Временное положение 1891 г. вводило ограничение на въезд «татарских мулл» в казахскую степь, для проживающих здесь башкир и татар предусматривались санкции экономического характера, направленные на формирование у них мотивации для переезда из степи.

В то же время несмотря на то, что по Временным положениям 1868 и 1891 гг. религиозные дела казахов были изъяты из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания, религиозные дела башкир и татар, проживающих в Казахстане, продолжали оставаться в ведении данной структуры. На протяжении второй половины XIX – начала XX в. она осуществляла руководство жизнью татарских и башкирских исламских общин региона: назначала для них мулл, руководила процессом строительства мечетей и открытием при них мектебов. Общая численность татар, приживавших в Казахстане к 1905 г., количество мечетей, принадлежавших им и контролирующихся Оренбургским мусульманским духовным собранием, представлены в таблице [15, л. 69–81].

В конечном итоге, относительная самостоятельность татарских обществ Казахстана и их подчинение Оренбургскому мусульманскому духовному собранию значительно осложняли реализацию правительственного курса, направленного на вычленение казахского

сообщества из общероссийского мусульманского движения и ограничение влияния ислама в Степи путем прекращения деятельности «татарских мулл». Неограниченные в правах и возможностях реализа-

ции своих религиозных нужд, татары, проживающие в регионе, сохранили возможность фактически беспрепятственно вести религиозную пропаганду среди казахского населения.

Количество татар и татарских мечетей в Казахстане

Область	Общая численность татар	Общее кол-во мечетей	Кол-во мечетей, находящихся в ведении Оренбургского мусульманского духовного собрания
Акмолинская	8388	61	12
Семипалатинская	9479	28	15
Уральская	13873	116	22
Тургайская	484	24	-
Итого	32224	229	49

В конечном итоге, относительная самостоятельность татарских обществ Казахстана и их подчинение Оренбургскому мусульманскому духовному собранию значительно осложняли реализацию правительственного курса, направленного на вычленение казахского сообщества из общероссийского мусульманского движения и ограничение влияния ислама в Степи путем прекращения деятельности «татарских мулл». Неограниченные в правах и возможностях реализации своих религиозных нужд, татары, проживающие в регионе, сохранили возможность фактически беспрепятственно вести религиозную пропаганду среди казахского населения.

Генерал-губернатор Степного края Г.А. Колпаковский в связи с этим так описывался сложившуюся ситуацию в казахской степи в 1888 г.: «К одному из упорных домогательств татар относиться желание иметь мечети, предоставленные в исключительное их владение, там, где уже существуют киргизские мечети. Причина таких домогательств заключается в том, что мулл киргизских татары признают не пригодными, не способными к успешной пропаганде ислама. Через своих же мулл они надеются – и совершенно основательно – вести эту пропаганду энергично и с успехом» [12, л. 115об.].

Для усиления религиозной пропаганды среди казахского населения татарские муллы использовали любую возможность. Так, например, по указу от 12 марта 1896 г. татарским муллам, ахунам и имамам разрешалось без специального разрешения полицейского управления «отлучаться в местности, лежащие вне пределов их приходов», сроком на две недели. По сообщению генерал-губернатора Степного края А.Н. Сухотина в 1901 г., пользуясь этим правом, татарские муллы семипалатинских мечетей «отлучались в киргизскую степь для ведения религиозной пропаганды» [15, л. 65].

Коллективное обращение волостных правителей Акмолинской области в 1903 г. через Степного генерал-губернатора к министру внутренних дел «о разрешении устройства в каждом ауле по одной ме-

чети и о предоставлении оренбургскому муфтию права назначения в степи мулл» было расценено властями как «ходатайство, которое могло возникнуть исключительно под влиянием татарских мулл и вообще татар г. Петропавловска» [15, л. 108]. Опасаясь массовых беспорядков в этой ситуации, власти потребовали даже введения усиленной охраны Петропавловска и Петропавловского уезда.

Центром исламской пропаганды в Западно-Сибирском генерал-губернаторстве являлся Семипалатинск «со своим преимущественно татарским населением». В городе имелось 9 татарских мечетей, ежегодно выпускающих около 100 учеников «годных для распространения образования и религиозных знаний в среде киргизского населения». Большая часть окончивших медресе направлялась в Степь по приглашению казахов на должность аульных или волосных мулл [16, л. 9об].

Имея возможность непосредственно отслеживать рост влияния ислама в казахской степи благодаря деятельности татарских проповедников, местные власти неоднократно обращались в МВД с предложением о немедленном исправлении ситуации. Решение проблемы виделось ими в скорейшем изъятии всех религиозных дел татар Казахстана из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания. Так, генерал-губернатор Степного края Таубе дважды в 1898 и 1903 гг. обращался с этим предложением [15, л. 40].

В 1909 г. военный губернатор Тургайской области писал в Департамент духовных дел иностранных исповеданий: «Я не усматривал бы никаких оснований для предоставления муллам, избираемым татарами, звания указных мулл. Важным признаком, определяющим положение мулл, является то, что он снабжается особым указом на это звание, выдаваемым из губернского правления от имени, или точнее, по указу Е.И.В. Снабжение татарских мулл Тургайской области такого рода указами, взамен существующего ныне у киргизов простого утверждения их в должности по распоряжению губернатора, способствовало

бы, прежде всего, приобретению этими муллами, как указывает опыт, преувеличенного значения и влияния, якобы в качестве ставленников верховной власти. Кроме того, снабжение их подобными указами затрудняло бы применение ст. 99 Степного положения, предоставляющей губернатору право устранять мулл от должности» [14, л. 2об.].

Далее военный губернатор подчеркивал, что в рамках действующего законодательства в Степном крае муллы выполняют исключительно функции законоучителей. «Указное же магометанское духовенство пользуется в этом отношении самыми широкими правами. Согласно ст. 1418 Устава Духовных дел иностранных исповеданий ведению этого духовенства принадлежали ведение метрических книг, разбор семейно-брачных и наследственных дел».

На основании этого тургайский военный губернатор делал вывод в своем письме в департамент о том, что «такие широкие права указных мулл, являющихся при использовании этими правами не только вероучителями, но и органами гражданской власти, ведут к несомненному подчинению их влиянию всего гражданского быта их прихожан. Поэтому, принимая во внимание, что в тех поселках, где имеются магометане-татары, совместно с ними проживают также и киргизы, а потому подобные права, в случае предоставления их муллам этих поселений, неизбежно привели бы к подчинению муллам также и киргиз» [14, л. 3].

Однако, несмотря на позицию местных властей в отношении вопроса об изъятии религиозных дел татар и башкир, проживающих в Степном крае, из компетенции Оренбургского мусульманского духовного собрания, этот вопрос так и не был решен положительно вплоть до 1917 г. В этом направлении принимались лишь превентивные меры. Например, в октябре 1909 г. было отказано казахам п. Ак-Булак в назначении на должность муллы татарина на основании того, что в рамках действующего законодательства «может быть мулла, избранный только из киргиз» [14, л. 14]. В этом же году МВД отказало указному мулле соборной мечети татарской слободы г. Кустаная Забирову в выдаче метрической книги из Оренбургского мусульманского духовного собрания, а полученная муллой кустанай-

ской городской мечети Абдул-Валеевым метрическая книга была изъята властями [14, л. 21–25].

Таким образом, на протяжении конца XVIII–XIX вв. в религиозной политике, проводимой Российской империей в Казахстане, «татарский вопрос» занимал одну из ключевых позиций. В зависимости от концептуального содержания этой политики находилась и та роль, которую призваны были играть татары в ее реализации. Так, на рубеже XVIII – первой половине XIX в. в связи в начале интеграции казахского сообщества в общеимперское пространство важное значение придавалось религиозной составляющей, а именно приведению казахов-язычников к монотеизму. Именно татары, этногенетически родственные казахам, стали проводниками этой идеи: при их активном участии было проведено административное закрепление ислама в казахской степи.

Во второй половине XIX в. произошла смена правительственного курса в религиозной политике Российской империи, проводившейся в казахской степи. Определяющим стало стремление ограничить влияние и распространение ислама среди кочевников и вычленили их из набиравшего силы общероссийского мусульманского движения, сопровождавшегося ростом этнического самосознания мусульманских народов. В новых внутривосточных реалиях государство резко изменило свое отношение к татарам, проживающим в Казахстане. Из их компетенции были изъяты вопросы, связанные с решением религиозных дел казахов, религиозная пропаганда ислама в казахской степи им была запрещена.

В то же время несовершенство российского законодательства в вопросах регулирования жизни мусульманских общин Казахстана не исключало возможности ведения татарами, проживавшими в Казахстане, религиозной пропаганды среди казахского населения. Это, в конечном итоге, приводило к росту влияния ислама среди кочевников, о чем свидетельствует неизменное увеличение численности мечетей и медресе в Казахстане в начале XX в., многочисленные ходатайства казахов о создании для них специального органа управления их религиозной жизнью, увеличение численности паломников в святые места и т.д.

Библиографический список

1. Юдин П.Л. Барон О.А. Игельстром в Оренбургском крае (1784–1798 гг.) // Русский архив. – 1897. – №4. – Кн.1.
2. Полное собрание законов Российской империи (ПСЗРИ). – 1-е изд. – СПб., 1830. – Т. XXII. – №16292.
3. ПСЗРИ. – 1-е изд. – СПб., 1830. – Т. XX. – №16534.
4. Султангалиева Г. «Татарская» диаспора и конфессиональные связи казахской степи (XVIII–XIX вв.) // Вестник Евразии. – 2000. – №4 (11).
5. Добромыслов А.И. Тургайская область : исторический очерк. – Оренбург, 1898.
6. История Букеевского ханства. 1901–1852 гг. : сборник документов и материалов. – Алматы, 2002. – Док. №659.
7. Большая энциклопедия : словарь / под ред. С.Н. Южикова. Т. 16: Приложение II. – СПб., 1904.
8. Цит. по: Батунский М.А. Россия и ислам. – М., 2003. – Ч. II.
9. Алекторов А.Е. Внутренняя Букеевская орда (Краткий исторический очерк) // История Букеевского ханства. 1901–1852 гг. : сборник документов и материалов. – Алматы, 2002.

ИСТОРИЯ

10. Российский государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 594.

11. Рыбаков С.Г. Устройство и нужды управления духовными делами мусульман России // Ислам в Российской империи (законодательные акты, описания, статистика) / под ред. Д.Ю. Арапова. – М., 2001.

12. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 602.

13. Центральный государственный архив Республики Казахстан. – Ф. 25. – Оп. 1. – Д. 1383.

14. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 634.

15. РГИА. – Ф. 821. – Оп. 8. – Д. 624.

16. РГИА. – Ф. 796. – Оп. 440. – Д. 1263.